

RU

Образ дома в романах И. А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв»

Осьмухина О. Ю.

Аннотация. Цель работы – выявить художественное своеобразие образа дома в романах И. А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв». Статья посвящена анализу романов «Обломов» и «Обрыв» И. А. Гончарова в контексте отечественной словесности второй половины XIX столетия. Автор статьи, опираясь на литературоведческую традицию, исследовал эволюцию образа дома в прозе И. А. Гончарова как выражение архетипической модели. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые прослежены черты поэтики, формирующие образы дома, детства, домашнего уюта и семейной жизни в романах И. А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв». В результате исследования установлено, во-первых, что модель дома, в котором царят покой и уют, представлена в романе «Обрыв» построенным по патриархальной модели имением Татьяны Марковны Бережковой и является жизненным оплотом для его обитателей, в романе «Обломов» это и дом Агафьи Пшеницыной, где Обломов обрел покой, домашний уют, и Обломовка – все они формируют идиллический хронотоп. Во-вторых, важнейшим средством характеристики дома, домашнего уюта выступает образ женщины: именно женщина становится для героев Гончарова своеобразным «оберегом» от «внешних» забот и тревог, позволяющим им вновь почувствовать себя ребенком.

EN

The image of home in I. A. Goncharov's novels "Oblomov" and "The Precipice"

O. Y. Osmukhina

Abstract. The purpose of the work is to reveal the artistic originality of the image of home in I. A. Goncharov's novels "Oblomov" and "The Precipice". The article is devoted to the analysis of the novels "Oblomov" and "The Precipice" by I. A. Goncharov in the context of the Russian literature of the second half of the 19th century. The author of the article, relying on the literary tradition, investigated the evolution of the image of home in I. A. Goncharov's prose as an expression of an archetypal model. The scientific originality of the research lies in the fact that for the first time the features of poetics that form the images of home, childhood, home comfort and family life in I. A. Goncharov's novels "Oblomov" and "The Precipice" are traced. As a result of the research, it was established, firstly, that the model of a house in which peace and comfort reign is represented in the novel "The Precipice" by the estate of Tatyana Markovna Berezhkova, built according to the patriarchal model, and it is a vital stronghold for its inhabitants. In the novel "Oblomov", this is the house of Agafya Pshenitsyna, where Oblomov found peace and home comfort, and Oblomovka – they all form an idyllic chronotope. Secondly, the image of a woman is the most important means of characterizing a home and home comfort: it is a woman who becomes for Goncharov's characters a kind of "talisman" warding them from "external" trials and tribulations, allowing them to feel like children again.

Введение

Общеизвестно, что И. А. Гончаров является одним из крупнейших русских писателей XIX в., который, наряду с Ф. М. Достоевским, И. С. Тургеневым, Л. Н. Толстым, Н. С. Лесковым, внес значительный вклад в развитие русской повествовательной прозы в целом и русского романа в частности. При этом творчество Гончарова было всегда в значительной степени ориентировано на социальные аспекты российской действительности. В течение четверти века писатель трудился над созданием трилогии, которая отразила бы судьбы России до и после реформы 1861 года: «Обыкновенная история» (1847), «Обломов» (1858) и «Обрыв» (1869) отобразили все стороны российской жизни – от идеи новой революционно-нигилистической России, жизни города до крушения патриархального быта, темы семьи и семейных ценностей, непосредственно связанных образом отчего дома. В связи с этим актуальность нашей статьи обусловлена необходимостью осмысления архетипа дома как части поэтики домашнего уюта, воплощающей «мысль семейную» в романном творчестве И. А. Гончарова.

Задачи работы заключаются, во-первых, в анализе образов дома и детства в романе «Обломов»; во-вторых, в выявлении особенностей модели дома в «Обрыве».

Материалом статьи послужили высказывания об И. А. Гончарове его современников – отечественных критиков и публицистов, а также романная проза и статьи И. А. Гончарова:

- Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1953. Т. 9.
- Гончаров И. А. Намерения, задачи и идеи романа «Обрыв» // Гончаров И. А. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1979. Т. 6.
- Гончаров И. А. Обломов // Гончаров И. А. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1979. Т. 4.
- Гончаров И. А. Обрыв // Гончаров И. А. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1979. Т. 5.
- Добролюбов Н. А. Что такое «обломовщина» // Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: в 9 т. М. – Л., 1962. Т. 4.
- Дружинин А. В. Литературно-критические статьи. М., 1986.
- Писарев Д. И. Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова // Писарев Д. И. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1955. Т. 1.

Методологической основой работы явились сравнительно-исторический метод, благодаря которому романы писателя были рассмотрены в диахроническом аспекте; сравнительно-типологический метод, с помощью которого были выявлены типологические особенности поэтики домашнего уюта в «Обрыве» и «Обломове»; метод целостного анализа художественного произведения, позволивший осмыслить романы И. А. Гончарова в единстве их поэтики и проблематики.

Теоретической базой стали, во-первых, теория архетипов Е. М. Мелетинского (1994) при рассмотрении образа дома в романах писателя; во-вторых, замечания о формах времени и пространства в романе М. М. Бахтина (2000); в-третьих, труды отечественных ученых, посвященные рассмотрению отдельных аспектов романного творчества И. А. Гончарова, в частности особенности нарративной организации его романов, выявленные Е. А. Краснощековой (1970; 2012), и поэтики, отмеченные В. А. Недзвецким (1992), М. В. Отрадиным (1994), а также выводы о специфической «женской сфере» как основе домашнего и семейного пространства, сделанные Е. В. Красновой (2003).

Практическая значимость статьи состоит в том, что ее материалы, результаты и общие выводы могут быть использованы в вузовских курсах истории русской литературы, спецкурсах, посвященных жанрово-тематической специфике реалистического романа XIX столетия.

Обсуждение и результаты

Творчество И. А. Гончарова в восприятии отечественной литературной критики и литературоведения второй половины XIX – XX века

С момента публикации романы И. А. Гончарова вызывали оживленные отклики, а нередко и полемику на страницах русских журналов. Одним из первых пророческих взглядов на великое будущее творчества писателя можно считать оценку его творчества в статье В. Г. Белинского «Взгляд на русскую литературу 1847 года», где критик не только отметил «сильный» и «замечательный» талант Гончарова в «Обыкновенной истории», но и его «необыкновенное мастерство рисовать» (1953, с. 32). В. Г. Белинский подметил одну из важнейших черт таланта Гончарова – умение проникать в тайны женской души.

Полное и всестороннее понимание творчества писателя, его литературных и общественных позиций было дано в статьях и рецензиях критиков 1850-1870-х гг. (Добролюбов, 1962; Дружинин, 1986; Писарев, 1955). В «Обломове» впервые в русской литературе было показано начало краха русской помещичье-усадьбной жизни. Роман, опубликованный в журнале «Отечественные записки», имел колоссальный успех, ибо писателю удалось с огромной обобщающей широтой и силой поставить одну из знаковых проблем середины прошлого столетия – умирание дворянской усадьбы с ее традиционным бытом и семейным укладом. В «Обрыве» И. А. Гончаров выразил отношение к «новым» людям – нигилистам, подчеркивая в предисловии, что в рамки повествования «укладываются большие эпизоды жизни, иногда и целая жизнь, в которой, как в большой картине, всякий читатель найдет что-нибудь близкое и знакомое ему» (1979, т. 6, с. 456).

В XX столетии романы И. А. Гончарова изучались достаточно подробно, причем вопросы поэтики всегда решались на широком социально-историческом и историко-литературном материале. Об этом свидетельствуют исследования отечественных литературоведов (Барахов, 1985; Захаркин, 1963; Краснощекова, 1970; 2012; Недзвецкий, 1992; Старыгина, 2003), в которых значительное место отведено и анализу женских образов. Так, Н. Н. Старыгина, рассматривая проблемы русского романа 1860-1870-х гг., выводит типологию целого ряда женских образов в романах И. А. Гончарова, И. С. Лескова, Ф. М. Достоевского, А. Ф. Писемского («персонаж на перепутье», «светские праведницы» и др.) и рассматривает проблему символизации женских образов как способа художественного воплощения христианского идеала человека. Е. В. Краснова осмысливает «материнскую» сферу в романе «Обломов», подчеркивая значимость женских персонажей в формировании символического пространства «Дома, Семьи, Уюта», создающего «атмосферу добра и любви» (2003, с. 186). Справедливости ради отметим, что и в новом тысячелетии интерес к творчеству И. А. Гончарова не ослабевает, о чем свидетельствуют работы отечественных и зарубежных исследователей, открывающие новые стороны в рецепции творчества писателя – от православной символики и новых граней контекстуального поля его романов до структурообразующих принципов поэтики (Багаутдинова, 2024; Гродецкая, 2016; Краснова, 2003; Мельник, 2008; Молнар, 2022; Тирген, 2021; Холкин, 2012; 2019).

Дом и детство как воплощение темы семьи в романе «Обломов»

В творчестве И. А. Гончарова тема семьи является одной из ключевых; важнейшей формой ее воплощения становится образ дома. Так, роман «Обломов» фактически открывается с описания дома главного героя: «В Гороховой улице, в одном из больших домов, народонаселения которого стало бы на целый уездный город...» (1979, т. 5, с. 7). Обломов живет один в большой, на первый взгляд «прекрасно убранной» квартире с мебелью красного дерева – бюро, диваны, стулья, ширмы с вышитыми «небывальными в природе птицами и плодами», «шелковыми занавесами, коврами», картинами, «бронзой, фарфором и множеством красивых мелочей» (Гончаров, 1979, т. 5, с. 9). Кабинет Обломова, в котором главным образом и протекает его жизнь, описан детально. Однако сам хозяин кабинета, столь пышно и удобно обставленного, нисколько не вникает в то, что составляет собственно «уют» его жизни. Сам кабинет кажется запущенным и поражает небрежностью. В повествовании почти сразу возникает другое, контрастное и как бы раскрывающее отдаленные углы этого кабинетного пространства описание: «По стенам, около картин, лепилась в виде фестонов паутина, напитанная пылью; зеркала вместо того, чтоб отражать предметы, могли бы служить скорее скрижалями, для записывания на них, по пыли, каких-нибудь заметок на память. Ковры были в пятнах. На диване лежало забытое полотенце; на столе редкое утро не стояла не убранная от вчерашнего ужина тарелка с солонкой и обглоданной косточкой да не валялись хлебные крошки» (Гончаров, 1979, т. 5, с. 9). Все остальные комнаты квартиры как бы не участвуют в жизни героя: они заперты, мебель затянута парчой, в связи с чем пространство вокруг героя сужено, замкнуто его кабинетом и ограничено, по М. М. Бахтину, «обыденно-житейским циклическим бытовым временем» (2000, с. 182), временем бессобытийным, почти остановившимся.

Предметно точные детали весьма значимы для характеристики не только дома, но и самого образа героя – и халат, и паутина на стенах – все это олицетворяет образ жизни Обломова, являя своеобразную модель мира, им выстроенную: «Если бы не эта тарелка, да не прислоненная к постели только что выкуренная трубка, или не сам хозяин, лежащий на ней, то можно было бы подумать, что тут никто не живет – так все запылилось, полиняло и вообще лишено было живых следов человеческого присутствия» (Гончаров, 1979, т. 4, с. 15). Хотя Обломов почти все время проводит дома, фактически дома у него и нет. Есть квартира, с которой настойчиво требуют «съезжать», – узкий мирок, поглощающий героя, временное пристанище, своего рода «антидом», который, однако, герой с его стремлением к постоянству страшится покидать.

Важнейшей составляющей поэтики домашнего уюта и характеристикой архетипического образа дома в романах Гончарова выступает религиозность членов семьи. Сам Гончаров полагал, что осмысление бытия вне православия для жизни губительно. Православие ждет от человека усилий веры в соработничестве Творцу. Ничего подобного нет ни в характере Обломова, ни у тех, с кем он общается в бытность свою в Петербурге. Важнейшая сцена, в которой раскрывается нежелание Обломова по отношению к такому соработничеству с Богом, – сцена, где он возмущенно отчитывает Захара за то, что он сравнил его с «другими»: «Я “другой”! Да разве я мечусь, разве работаю? Мало ем, что ли? Худошоа или жалок на вид? Разве недостает мне чего-нибудь? <...> Ты все это знаешь, видел, что я воспитан нежно, что я ни хлеба себе не зарабатывал и вообще черным делом не занимался. Так как же у тебя достало духу равнять меня с другими? Разве у меня такое здоровье, как у этих “других”? Разве я могу все это делать и перенести?» (Гончаров, 1979, т. 4, с. 94). После этого эпизода в роман, как известно, введена глава «Сон Обломова», в которой изображена идеальная картина жизни в «благословенном уголке земли», где царят тишина и покой, «правильно и невозмутимо совершается там годовой круг», по настоянию календаря наступает в марте весна, затем летом, зима, а в ноябре «начинается снег и мороз, который к Крещенью усиливается до того, что крестьянин, выйдя на минуту из избы, воротится непременно с инеем на бороде; а в феврале чуткий нос уже чувствует в воздухе мягкое веянье близкой весны» (Гончаров, 1979, т. 4, с. 103).

В главе «Сон Обломова» контрастно выступает идиллия семейной жизни, которой лишен Обломов в жизни петербургской. Это настоящая семейная жизнь с молитвами по утрам, чаем, гуляньем и т. д. Именно там мать учит Илюшеньку молиться, там, «став на колени и обняв его одной рукой, подсказывала она ему слова молитвы». Потом шли пить чай, за которым собиралось все семейство – «весь штат и свита дома Обломовых» (Гончаров, 1979, т. 4, с. 109). Ребенок находится в центре этого идиллического мира, построенного по законам всеобщей любви. Родовое имение как дом подлинный в противовес петербургской квартире как «антидому» оказывается центром идиллического хронотопа, основанного, во-первых, на «циклическом бытовом времени» (Бахтин, 2000, с. 182), во-вторых, на биографическом времени, «протекающем во внутреннем пространстве» (Бахтин, 2000, с. 183) усадьбы. Сам ребенок пристально следит за тем, чем в пространстве усадьбы заняты взрослые: «...ни одна мелочь, ни одна черта не ускользает от пытливого внимания ребенка; неизгладимо врезывается в душу картина домашнего быта; напивается мягкий ум живыми примерами, бессознательно чертит программу своей жизни по жизни его окружающей» (Гончаров, 1979, т. 4, с. 112).

Ребенок наблюдает жизнь – знойный полдень, когда на небе нет ни облачка, солнце жжет траву, жужжит жук. Когда все засыпали «непобедимым обломовским сном», ему казалось, что он один в целом мире: «...он... убежал от няни, лазил за голубятню, забирался в глушь сада, слушал, как жужжит жук, и далеко следил глазами его полет в воздухе; прислушивался, как кто-то все стрекочет в траве...» (Гончаров, 1979, т. 4, с. 116), – он самостоятельно познавал мир. Вечером же он робко жмет к няне, слушая сказки о «неведомой стороне»: «Он невольно мечтает о Милитрисе Кирбитьевне; его все тянет в ту сторону, где только и знают, что гуляют, где нет забот и печалей; у него навсегда останется расположение полежать на печи, походить в готовом, незаработанном платье и поесть на счет доброй волшебницы. И старик Обломов, и дед выслушивали в детстве те же сказки, прошедшие в стереотипном издании старины, в устах нянек и дядек, сквозь века и поколения» (Гончаров, 1979, т. 4, с. 119).

Именно детство, семейная идиллия формируют характер Обломова, его созерцательность, неспособность к действию, боязнь перемены обстановки. Гончаров изображает это пространство как своеобразную модель мира: здесь природа и люди живут в гармонии, здесь царит атмосфера умиротворения и покоя. Течение времени подчинено годовому циклу, циклу самой жизни – от детства к старости, где смерть воспринимается как естественное слияние с природой, уходом в иной блаженный мир. Прозаик уделяет большое внимание изображению места, из которого проистекает сущность героя. Стремление к покою обусловило жизненные взгляды и само существование Обломова и в Петербурге на Гороховой улице, куда он как бы стремится перенести свою Обломовку. Подлинный же покой и безмятежность обретает герой лишь в доме Агафьи Пшеницыной: «Вглядываясь, вдумываясь в свой быт и все более и более обживаясь в нем, он, наконец, решил, что ему некуда больше идти, нечего искать, что идеал его жизни осуществился, хотя без поэзии, без тех лучей, которыми некогда воображение рисовало ему барское, широкое и беспечное течение жизни в родной деревне, среди крестьян и дворни» (Гончаров, 1979, т. 4, с. 479).

Образ дома в романе «Обрыв»

В романе «Обрыв» также репрезентована модель дома, в котором царит покой и уют, – это патриархальное имение Татьяны Марковны Бережковой, жизненный оплот для его обитателей. Однако, как справедливо указывает Е. В. Краснова, образ бабушки «прочитывается в финале романа в символическом ключе, вырастая в исполинскую фигуру великой Бабушки России», охраняющей, защищающей все живущее на ее земле. Это «средоточие любви, добра, участия и вековой мудрости, помогающих выстоять в мире, сохранить в себе Человека» (Краснова, 2003, с. 189). Татьяна Марковна Бережкова – личность незаурядная – она и охранительница, и наставница, и защитница. «Вы стоите на вершинах развития, умственного, нравственного и социального! Вы совсем готовый, выработанный человек» (Гончаров, 1979, т. 5, с. 78), – обращается к ней Райский, отчетливо осознавая ее внутреннюю силу как созидательницы, носительницы объединяющего начала, общечеловеческих, семейных ценностей. По Гончарову, любовь – основа семьи, и из этого следует, что семейное человеческое объединение есть субстанция, угодная Богу, всякие же отклонения от этого положения греховны, за ними – обрыв.

Не случайно тот же Райский называет имение Татьяны Марковны Бережковой, в котором прошло детство двух сестер – Веры и Марфеньки, – Эдемом. «Бабушка эта жила в родовом маленьком имении... Оно все состояло из небольшой земли, лежащей вплоть до города, от которого отделялось полем и слободой близ Волги, пятидесяти душ крестьян, да из двух домов – одного каменного, оставленного и запущенного, и другого деревянного домика, и в этом-то домике жила Татьяна Марковна с двумя, тоже двоюродными внуками-сиротами, девочками по седьмому и шестому году, оставленными ей двоюродной племянницей, которую она любила, как дочь» (Гончаров, 1979, т. 5, с. 60). Библейская аллюзия райского сада отнюдь не случайна: усадьба Бережковой отделена от «большого мира» города, это пространство уединенное, закрытое. Райского увезли оттуда еще в детстве, но воспоминания о нем сохранились на всю жизнь: дом, предстающий в виде особенной картины в раме – Волга, широкие заволжские поля, овраги, горы, деревни, часть города. Но самое главное – воздух, свежий и прохладный. Внутри дома все дышало покоем и уютом, на что указывает каждая деталь: «В доме какая радость и мир жили! Чего там не было? Комнатки маленькие, но уютные, с старинной, взятой из большого дома мебелью дедов, дядей и с улыбающимися портретами отца и матери Райского, а также родителей оставшихся на руках у Бережковой девочек-малюток» (Гончаров, 1979, т. 5, с. 62).

Очевидно, что образ дома – пространство сакральное, время в котором проистекает циклично. Он играет важнейшую роль в воплощении темы семьи, поскольку символизирует единение рода, устойчивость жизни. Дом, чаще всего репрезентованный образом патриархального имения, – это и символ обретения покоя для героев, который они не могут познать за пределами пространства семейного.

Заключение

В результате исследования мы пришли к следующим выводам. В романах И. А. Гончарова предстает идеальный образ дома, объединяющий в единое целое природу, социально-культурную, семейную сферы человеческого бытия. Модель дома, где царят покой и уют, репрезентована в романе «Обрыв» – это имение Татьяны Марковны Бережковой; в «Обломове» «благословенный уголок земли» – Обломовка и дом Агафьи Пшеницыной, где Обломов обрел покой (в противовес его петербургской квартире как пристанищу временному). Хранительницами дома и домашнего уюта в романах И. А. Гончарова оказываются героини-женщины – созидательницы, натуры страстные и тонкие, мечтательные и деятельные; ключевыми мотивами, способствующими созданию архетипической модели дома, становятся детство, семья.

Художественное время и в «Обломове», и в «Обрыве» характеризуется равномерностью и цикличностью. Весь уклад жизни подчинен циклическому ходу времени: зима сменяется весной, день – ночью и т. д., и все подчинено этому раз и навсегда заведенному порядку. Господствующей чертой пространственного видения реального мира становится его локальная суженность, замкнутость, что продиктовано, в первую очередь, логикой характера главного героя. В этом пространстве и времени существует и особый тип героя – няня, мудрая старуха, оберегающая персонажа.

Перспективой дальнейшего исследования может стать, с одной стороны, анализ поэтики домашнего уюта в нероманной прозе И. А. Гончарова, а с другой – исследование специфики темы дома, семьи в творчестве прозаиков конца XIX – XX столетия (к примеру, В. Короленко, Максима Горького, М. Шолохова, а также современных прозаиков и др.).

Источники | References

1. Багаутдинова Г. Г. Поэтика нероманной прозы И. А. Гончарова: монография. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2024.
2. Барахов В. С. Литературный портрет (Истоки. Поэтика. Жанр). Л.: Наука, 1985.
3. Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000.
4. Гродецкая А. Г. Проза И. А. Гончарова 1830-1860-е (биографика, контекст, поэтика): дисс. ... д. филол. н. СПб., 2016.
5. Захаркин А. Ф. Роман И. А. Гончарова «Обломов». М.: Просвещение, 1963.
6. Краснова Е. В. «Материнская сфера» в романах И. А. Гончарова // Гончаров И. А.: материалы международной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова / сост. М. Б. Жданова, А. В. Лобкарёва, И. В. Смирнова; редкол.: М. Б. Жданова, Ю. К. Володина, А. Ю. Балакин, А. В. Лобкарёва, Е. Б. Клевогина, И. В. Смирнова. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2003.
7. Краснощекова Е. А. «Обломов» И. А. Гончарова. М.: Худож. лит., 1970.
8. Краснощекова Е. А. Иван Александрович Гончаров: мир творчества. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2012.
9. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М.: Наука, 1994.
10. Мельник В. И. Гончаров и православие: духовный мир писателя. М.: Даръ, 2008.
11. Молнар А. Текст, жанр, слово: исследования по русской литературе XIX-XXI веков. М.: Азбуковник, 2022.
12. Недзвецкий В. А. И. А. Гончаров – романист и художник. М.: Наука, 1992.
13. Отрадин М. В. Проза И. А. Гончарова в литературном контексте. СПб.: Нева, 1994.
14. Старыгина Н. Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860-1870-х годов. М.: Языки славянской культуры, 2003.
15. Тирген П. Amor legendi, или Чудо русской литературы // Сборник научных трудов по истории русской литературы / сост. и пер. с нем. О. Б. Лебедевой; под науч. ред. Е. Н. Пенской. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021.
16. Холкин В. И. «Жизнь как “роман существования”»: (экзистенциальный смысл сочинений и персонажей Гончарова). Ульяновск – Тамбов: ООО «ТПС», 2019.
17. Холкин В. И. Илья Обломов: жизнь вопреки... Ульяновск, 2012.

Информация об авторах | Author information

Осьмухина Ольга Юрьевна¹, д. филол. н., проф.

¹ Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск

Olga Yurievna Osmukhina¹, Dr

¹ National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk

¹ osmukhina@inbox.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 10.12.2024; опубликовано online (published online): 20.01.2025.

Ключевые слова (keywords): проза И. А. Гончарова; поэтика домашнего уюта в творчестве Гончарова; образ дома в романах Гончарова; образ дворянской усадьбы; русский реалистический роман XIX столетия; I. A. Goncharov's prose; poetics of home comfort in Goncharov's novels; image of home in Goncharov's novels; image of a noble manor; Russian realistic novel of the 19th century.